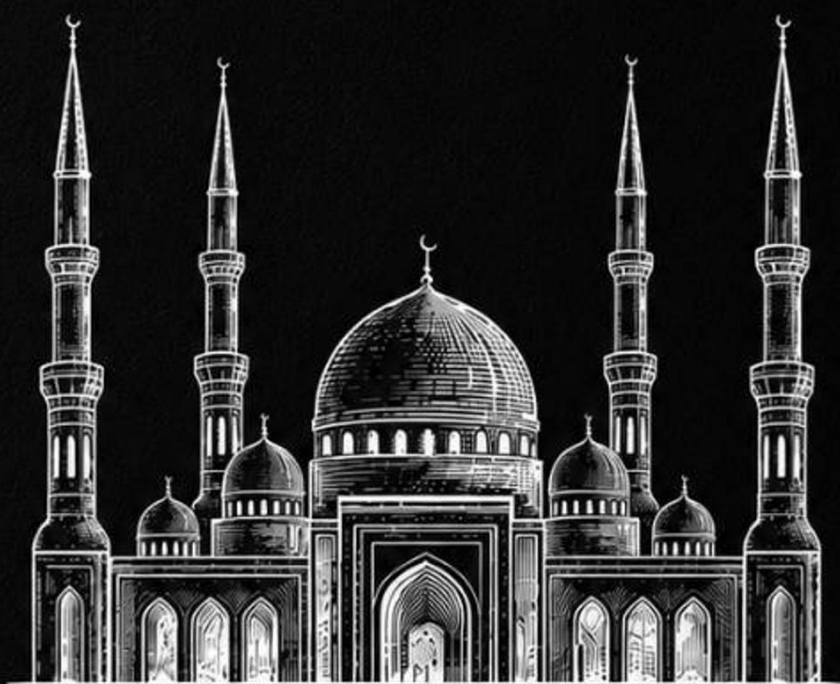

автор: ибрахим абу джаафар альбулянди

История ислама.

том 3..Омейядский халифат

661 по 750 г

вплоть до наших дней

суннизм

Ибрахим Шитик
История ислама том 3

«Автор»

2026

Шитик И.

История ислама том 3 / И. Шитик — «Автор», 2026

История ислама том 3 омеядский халифат:661 по 750 г (вплоть до наших дней)

© Шитик И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Введение	6
2. Муавия как правитель: сочетание сирийской основательности и арабской традиции	7
3. Ранняя военная и административная карьера в Сирии	8
4. Совет (шура) сирийской знати и коллегиальный стиль правления	9
5. Пограничная политика на анатолийском направлении	10
6. Перенос столицы в Дамаск	11
7. Административные новшества: почтовая служба и монетное дело	12
8. Учреждение дивана канцелярии и печати	13
9. Придворная культура и институт «кусса»	14
10. Зияд ибн Абиhi и укрепление власти в Ираке	15
11. Кончина Хасана ибн Али	16
12. Назначение Язида наследником	17
13. Кончина Муавии и первая оценка его правления	18
14. Заключение	19
1. Введение	20
2. Воцарение Язида и обновление требования присяги	21
3. Приглашение из Куфы	22
4. Крушение куфийской поддержки	23
5. Путь в Ирак и первые тревожные вести	24
6. Окружение отряда Хусейна на равнине Карбала	25
7. Ночь накануне сражения и подвиг Зухайра ибн аль-Кайна	26
8. Битва и мученическая гибель Хусейна	27
9. Ход сражения по фазам	28
10. Реакция Язида и захоронение	29
11. Поимённая память о павших	30
12. Значение Карбалы для последующей истории ислама	31
13. Заключение	32
1. Введение	33
2. Провозглашение Абдуллаха ибн аз-Зубайра халифом в Мекке	34
3. Правление Ибн аз-Зубайра: попытка возрождения идеалов праведных халифов	35
4. Осада Мекки и разрушение Каабы	36
5. Кризис династической преемственности внутри дома Омейядов	37
6. Марванидская реставрация: Марван I и битва при Мардж-Рахите	38
7. Вынужденная дань Византии	39
8. Восстание Мухтара ас-Сакафи и месть за Хусейна	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ибрахим Шитик

История ислама том 3

ИБРАХИМ АБУ ДЖААФАР АЛЬ-БУЛЯНДИ

ИСТОРИЯ ИСЛАМА

Политико-военная история суннитского мира от Аравии до наших дней

ТОМ ТРЕТИЙ

Омейядский халифат: Дамаск и Кордова

(661–1031)

Суннитская традиция

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Муавия и превращение халифата в наследственную монархию

Глава 2. Карбала и трагедия Хусейна: политические последствия

Глава 3. Второй фитна: Абдуллах ибн аз-Зубайр, Марванидская реставрация

Глава 4. Завоевание Магриба и Пиренейского полуострова (711)

Глава 5. Завоевание Синда и Средней Азии

Глава 6. Осады Константинополя

Глава 7. Административные и экономические реформы Абд аль-Малика и аль-Валида

Глава 8. Внутренние конфликты: кайситы и йемениты

Глава 9. Аббасидская революция и падение Омейядов

Глава 10. Бегство Абд ар-Рахмана I и основание эмирата в Кордове

Глава 11. Кордовский эмират: становление, борьба с соседями

Глава 12. Абд ар-Рахман III и провозглашение Кордовского халифата

Глава 13. Расцвет Кордовы: аль-Хакам II, культура и экономика

Глава 14. Аль-Мансур (Альманзор) и военная диктатура

Глава 15. Распад халифата на тайфы (1031)

Глава 16. Итоги: наследие Омейядов Востока и Запада

ГЛАВА 1

Муавия и превращение халифата в наследственную монархию

1. Введение

Настоящий том обращается к истории Омейядского халифата — первой наследственной династии в истории ислама, — начало которой было положено воцарением Муавии ибн Аби Суфьяна (да будет доволен им Аллах) в 661 году, о чём говорилось в заключительных главах второго тома настоящего труда. Настоящая глава рассматривает становление нового халифата, административные новшества Муавии и то решение о назначении наследником собственного сына Язида, которое навсегда изменило саму природу верховной власти в исламе.

2. Муавия как правитель: сочетание сирийской основательности и арабской традиции

Муавия ибн Аби Суфьян, о происхождении которого из курайшитского рода Бану Умайя и о постепенном возвышении которого в качестве наместника Сирии подробно говорилось в одиннадцатой, тринадцатой и последующих главах второго тома настоящего труда, обладал к моменту воцарения уже двадцатилетним опытом управления богатейшей и стратегически важнейшей провинцией халифата. Этот огромный административный опыт, накопленный ещё при Умаре, Усмани и в годы противостояния с Али, выгодно отличал его от предшественников на посту верховного правителя: Муавия хорошо усвоил византийские административные практики, унаследованные Сирией от прежней имперской власти, о чём говорилось во второй главе первого тома настоящего труда, и не считал зазорным использовать опытных греческих и сирийских чиновников для управления финансами и канцелярией, сохраняя при этом собственно военную и религиозную власть в руках арабской мусульманской элиты.

Современники и позднейшие историки в один голос отмечают присущее Муавии качество, известное в арабской традиции как «хильм» — сочетание невозмутимого самообладания, политической гибкости и готовности к компромиссу с явными оппонентами, если это служило сохранению общего порядка и стабильности. Сам Муавия, по преданию, говорил о собственном методе правления: «Я не пускаю в ход свой меч там, где достаточно кнута, и не пускаю в ход кнут там, где достаточно языка; а если между мной и людьми есть хоть один волосок, я не даю ему порваться: когда они тянут, я отпускаю, а когда они отпускают, я тяну», — слова, ставшие впоследствии образцом прагматичного, компромиссного стиля правления, разительно отличавшегося от бескомпромиссной принципиальности Али, о которой подробно говорилось в соответствующих главах второго тома настоящего труда.

3. Ранняя военная и административная карьера в Сирии

Прежде чем стать халифом, Муавия прошёл долгий и разносторонний путь государственной службы, начавшийся ещё при Умаре ибн аль-Хаттабе, назначившем его, после смерти старшего брата Язида ибн Аби Суфьяна, наместником Сирии в 639 году, — назначение, состоявшееся уже вскоре после завершения завоевания этой провинции, о котором подробно говорилось в шестой главе второго тома настоящего труда. Уже в эти ранние годы наместничества Муавия проявил себя энергичным организатором обороны сирийского побережья от византийских морских набегов, инициировав, как отмечалось во второй главе второго тома настоящего труда, строительство первого мусульманского флота и последующее завоевание Кипра — предприятие, обеспечившее ему заслуженную репутацию дальновидного военачальника задолго до востшествия на халифский престол.

При Усмани ибн Аффане, о чьём правлении подробно говорилось в главах десятой–пятнадцатой второго тома настоящего труда, Муавия сохранил и упрочил свои позиции в Сирии, пользуясь особым доверием халифа как родственника по курайшитской линии Бану Умайя, — обстоятельство, которое, как отмечалось в тринадцатой главе второго тома, впоследствии стало одним из поводов для обвинений Усмана в nepотизме со стороны его противников. Именно эта прочная, многолетняя опора на верную и хорошо организованную сирийскую провинцию и позволила Муавии впоследствии, в разгар великой смуты, о которой подробно говорилось в шестнадцатой–двадцать второй главах второго тома настоящего труда, выступить в качестве единственного реального политического противовеса Али, а затем и стать бесспорным правителем объединённого халифата после отречения Хасана.

4. Совет (шура) сирийской знати и коллегияльный стиль правления

Одной из характерных черт правления Муавии, обеспечивших ему широкую поддержку среди сирийской элиты, стала практика регулярных консультаций с влиятельными представителями различных племенных группировок и религиозных общин провинции перед принятием сколько-нибудь значимых решений — своего рода неформальный совет, хотя и не имевший строгой институциональной формы, наподобие Совета (шуры), учреждённого Умаром для избрания Усмана, о котором говорилось в девятой главе второго тома настоящего труда. Подобный коллегияльный, консультативный стиль правления, сочетавшийся с личным качеством «хильм», о котором говорилось выше, позволял Муавии эффективно улаживать потенциальные конфликты интересов между различными группами сирийского общества — арабской знатью различного племенного происхождения, христианским населением, сохранявшим значительное экономическое влияние, и постепенно растущей мусульманской общиной новообращённых, — задолго до того, как аналогичные противоречия в куда более острой форме проявятся в масштабах всего халифата, о чём будет подробно рассказано в последующих главах настоящего тома.

Немаловажно и то, что подобная консультативная манера правления распространялась и на отношения самого Муавии с представителями иных, порой враждебно настроенных группировок: сохранилось немало преданий о том, как он лично принимал жалобщиков, включая простых просителей из числа недовольных тем или иным его решением, терпеливо выслушивая их претензии и нередко идя на определённые уступки, если находил их требования обоснованными, — практика, которую позднейшие историки склонны рассматривать не столько как проявление демократического духа в современном понимании, сколько как трезвый политический расчёт правителя, прекрасно осознававшего, сколь хрупким остаётся единство недавно объединённого им после «великой смуты» государства, о котором подробно говорилось в шестнадцатой–двадцать второй главах второго тома настоящего труда, и сколь дорого может обойтись накопление необоснованного недовольства в различных слоях сирийского общества.

5. Пограничная политика на анатолийском направлении

Помимо уже упомянутых морских кампаний против Константинополя, о которых будет подробно рассказано в шестой главе настоящего тома, Муавия в течение всего своего правления вёл активную пограничную войну с Византией и на суше, в горных областях Анатолии, организовав систему ежегодных летних набегов (сава'иф), сопоставимую по своей организации с аналогичной практикой, впоследствии применённой его потомками против христианских королевств Испании, о чём говорилось в одиннадцатой главе настоящего тома применительно к правлению Хишама I Кордовского. Эти набег, не приводившие к прочному территориальному расширению халифата вглубь Малой Азии ввиду труднопроходимого горного рельефа и упорного сопротивления византийских пограничных гарнизонов, тем не менее поддерживали постоянное военное напряжение на северной границе, вынуждая Византию содержать значительные силы именно на этом направлении и тем самым косвенно ослабляя её возможности по контрнаступлению на утраченные ранее восточные провинции, о завоевании которых говорилось в шестой главе второго тома настоящего труда.

6. Перенос столицы в Дамаск

Одним из первых значимых решений Муавии стал окончательный перенос политического центра халифата из Аравии (Медины) и Ирака (Куфы, куда, как говорилось в восемнадцатой главе второго тома, перенёс свою резиденцию Али) в Дамаск — древний, богатый и хорошо укрепленный город, служивший его собственной резиденцией на протяжении двух десятилетий наместничества. Этот перенос имел огромное символическое и практическое значение: отныне центр мусульманского мира располагался не в священной, но экономически скромной Аравии и не в беспокойном, раздираемом фракционными противоречиями Ираке, о которых говорилось в четырнадцатой главе второго тома настоящего труда, а в процветающей, космополитичной Сирии, ещё хранившей развитую инфраструктуру и административные традиции недавнего византийского владычества, о котором говорилось во второй главе первого тома настоящего труда.

7. Административные новшества: почтовая служба и монетное дело

Муавия ввёл в практику государственного управления халифатом ряд новшеств, заимствованных отчасти из персидской и византийской административных традиций, но приспособленных к нуждам стремительно расширившегося исламского государства. В их числе — организация регулярной государственной почтовой службы (барид), обеспечивавшей быструю и надёжную связь между Дамаском и отдалёнными провинциями посредством сети почтовых станций со сменными лошадьми, что позволяло центральной власти получать известия о положении дел в провинциях и отдавать соответствующие распоряжения в беспрецедентно короткие по меркам того времени сроки. Данная система, изначально предназначенная прежде всего для военных и административных нужд, впоследствии станет неотъемлемой чертой государственного управления на протяжении всей последующей истории мусульманских династий.

8. Учреждение дивана канцелярии и печати

Немаловажным нововведением стало и учреждение специального ведомства государственной канцелярии (диван ар-расаиль) для составления и регистрации официальной переписки, а также введение государственной печати халифа на официальных документах — мера, призванная пресечь возможность подделки распоряжений верховной власти, поводом к введению которой послужил, по преданию, случай, когда один из подданных сумел подделать письмо от имени самого Муавии, вписав в него значительно большую сумму денежного довольствия, нежели та, что была изначально утверждена, — инцидент, вскрывший уязвимость прежней, менее формализованной системы официальной переписки, унаследованной ещё от эпохи праведных халифов, о которой говорилось в восьмой главе второго тома настоящего труда применительно к административным новшествам Умара.

9. Придворная культура и институт «кусса»

Правление Муавии ознаменовалось и формированием новой, во многом беспрецедентной для прежней, куда более скромной аравийской традиции придворной культуры: дамасский двор, унаследовавший часть византийского церемониала, о котором говорилось во второй главе первого тома настоящего труда, постепенно обретал черты, сближавшие его с монархиями соседних держав, — торжественные приёмы, специально отведённые покои для халифа (максура) в самой мечети, отделявшие его молитвенное место от рядовых верующих по соображениям безопасности после участвовавших случаев покушений (в частности, того самого хариджитского заговора, что стоил жизни Али, о чём говорилось в двадцать второй главе второго тома настоящего труда), и институт профессиональных рассказчиков (кусса), которым вменялось в обязанность разъяснять простому населению мечетей достоинства правящей династии и порицать, зачастую в весьма пристрастной форме, память Али и его сторонников, — практика, введённая, по преданию, ещё при самом Муавии и просуществовавшая, к глубокому сожалению позднейших суннитских богословов, вплоть до её отмены уже в правление Умара ибн Абд аль-Азиза, о чём будет сказано в одной из последующих глав настоящего тома.

Введение подобной максуры — отгороженного пространства для молитвы правителя — само по себе примечательно как символ произошедшей трансформации самой природы власти -овокалифа: если Пророк # и праведные халифы, о личной доступности которых подробно рилось в первом и втором томах настоящего труда, неизменно молились среди рядовых верующих, без какого-либо физического отделения от общины, то уже при Муавии, а тем более при его преемниках, подобная непосредственная близость правителя к простым подданным начала восприниматься скорее как опасная уязвимость, требующая архитектурного и церемониального устранения, — эволюция, наглядно иллюстрирующая постепенное отдаление верховной власти от изначального идеала простоты и доступности, характерного для эпохи самого Пророка #.

Немаловажную роль в администрации Муавии продолжал играть и Амр ибн аль-Ас (да будет доволен им Аллах, чья роль в арбитраже при Сиффине и последующем завоевании Египта в интересах Муавии подробно рассматривалась в седьмой и девятнадцатой главах второго тома настоящего труда), сохранивший за собой фактически наследственное управление Египтом вплоть до собственной смерти в 664 году, — договорённость, ставшая, по мнению ряда историков, одной из первых практических моделей той самой передачи власти по наследству или по личной договорённости, которую Муавия впоследствии распространит и на верховную власть в масштабах всего халифата, о чём пойдёт речь ниже.

10. Зияд ибн Абихи и укрепление власти в Ираке

Одним из наиболее показательных примеров прагматичного, порой спорного с точки зрения строгого религиозного права административного стиля Муавии стало возвышение Зияда ибн Абихи («сына своего отца» — прозвище, отражающее спорность его происхождения) — чрезвычайно способного администратора, назначенного наместником сначала Басры, а затем и всего Ирака, включая беспокойную Куфу, о традиционных проалидских настроениях которой говорилось выше и будет ещё не раз говориться в последующих главах настоящего тома. Муавия, стремясь заручиться безусловной лояльностью столь ценного администратора, официально признал Зияда своим единокровным братом, объявив, что его настоящим отцом был не безвестный простолюдин, а сам Абу Суфьян, отец Муавии, — акт, вызвавший серьёзное недовольство части религиозно настроенных сподвижников как нарушение чётких коранических предписаний о недопустимости произвольного изменения родословной (насаб), но, тем не менее, обеспечивший Муавии беспрецедентно надёжного и энергичного наместника, железной рукой подавлявшего малейшие проявления смуты в беспокойных иракских гарнизонных городах на протяжении всего последующего десятилетия.

Зияд, вступив в должность, произнёс, по преданию, знаменитую «речь без бисмиллях» (то есть без обычного вступительного благословения именем Аллаха) перед жителями Басры, недвусмысленно предупредив их о готовности применять самые суровые меры против любых нарушителей общественного порядка, включая коллективную ответственность целых кварталов за проступки отдельных жителей, — подход, при всей своей жёсткости, обеспечивший редкую для той бурной эпохи внутреннюю стабильность во вверенной ему провинции вплоть до самой его смерти в 673 году. Именно созданная Зиядом система жёсткого административного контроля впоследствии унаследует и значительно усилится его собственным сыном — тем самым Убайдуллахом ибн Зиядом, чья роль в трагедии Карбалы будет подробно рассмотрена в следующей главе настоящего тома.

11. Кончина Хасана ибн Али

В 670 году, спустя примерно десятилетие после отречения от притязаний на халифат, о котором подробно говорилось в двадцать второй главе второго тома настоящего труда, скончавшись, Хасан ибн Али (да будет доволен им Аллах) — внук Пророка #, чей акт вания ради прекращения кровопролития среди мусульман снискал ему почётнейшее место в мусульманской памяти. Обстоятельства его кончины — по преданию, от отравления, — стали предметом различных предположений среди позднейших историков относительно возможной причастности к этому окружения самого Муавии, заинтересованного в устранении потенциального конкурента для собственного сына, о притязаниях которого будет сказано ниже; однако достоверных, документально подтверждённых свидетельств подобной причастности не существует, и суннитская традиция в большинстве своём воздерживается от однозначных обвинений в адрес Муавии по этому поводу, ограничиваясь констатацией самого факта ранней и по своему загадочной кончины внука Пророка #.

12. Назначение Язида наследником

Решением, имевшим самые далекоидущие последствия для всей последующей истории ислама, стало провозглашение Муавией собственного сына Язида официальным наследником престола — шаг, ознаменовавший принципиальный разрыв с установившейся при четырёх праведных халифах традицией избрания или назначения преемника на основе личных заслуг и совещательной процедуры (шуры), о которой подробно говорилось в первой, девятой и десятой главах второго тома настоящего труда, в пользу династического, наследственного принципа передачи власти, свойственного скорее монархиям соседних Персии и Византии, нежели изначальному исламскому идеалу совещательного правления.

Сам Муавия, обосновывая это решение перед собственным окружением, ссылаясь прежде всего на печальный опыт «великой смуты», разразившейся после убийства Усмана именно вследствие отсутствия чёткого, заблаговременно определённого порядка преемственности власти, о чём подробно говорилось в пятнадцатой–двадцать второй главах второго тома настоящего труда: по его убеждению, назначение конкретного, заранее известного всей умме наследника при жизни самого правящего халифа должно было раз и навсегда исключить возможность повторения того острого династического кризиса, что едва не погубил единство мусульманской общины. Насколько искренним было это обоснование, а насколько оно служило лишь удобным прикрытием для вполне понятного отеческого желания передать накопленную власть собственному сыну, остаётся предметом дискуссии среди историков, однако сама аргументация Муавии — стремление к стабильности и предотвращению нового кровопролития — несомненно находила отклик у значительной части сирийской знати, уставшей, как и вся остальная умма, от десятилетия непрерывных внутренних войн.

Муавия, начиная примерно с 676 года, принялся методично добиваться признания Язида наследником со стороны наместников провинций и виднейших сподвижников, ещё оставшихся в живых, — процесс, натолкнувшийся на решительное сопротивление со стороны нескольких влиятельнейших фигур, включая Хусейна ибн Али (да будет доволен им Аллах, младшего сына Али и Фатимы, о рождении которого говорилось в девятой главе первого тома настоящего труда), Абдуллаха ибн аз-Зубайра (сына Зубайра ибн аль-Аввама, чья гибель после Верблюжьей битвы подробно рассматривалась в семнадцатой главе второго тома), Абдуллаха ибн Умара (сына второго праведного халифа, о чьей роли в Совете-шуре и последующих событиях говорилось во второй половине второго тома настоящего труда) и Абдуррахмана ибн Абу Бакра (сына первого праведного халифа). Все четверо отказались признать Язида законным наследником, апеллируя именно к принципу совещательного избрания достойнейшего, установленному ещё при Абу Бакре, Умаре и Усмани.

Муавия, верный собственному прагматичному стилю правления, о котором говорилось выше, не прибегнул к прямым репрессиям против столь авторитетных противников, предпочтя политику убеждения, личных даров и постепенного склонения провинциальной знати на свою сторону путём щедрых денежных пожалований, — и в конечном счёте, ещё при жизни самого Муавии, подавляющее большинство провинций халифата принесло присягу Язиду, тогда как четверо принципиальных противников этого решения, хотя формально и не присягнули, также не предприняли открытого вооружённого сопротивления при жизни самого Муавии, ограничившись демонстративным неучастием в церемонии присяги.

13. Кончина Муавии и первая оценка его правления

Муавия ибн Аби Суфьян (да будет доволен им Аллах) скончался в 680 году, процарствовав девятнадцать лет — дольше, чем любой из четырёх праведных халифов, о правлении которых говорилось во втором томе настоящего труда, — оставив после себя государство, объединённое, экономически окрепшее и территориально стабильное после десятилетия внутренних потрясений «великой смуты», подробно рассмотренной в шестнадцатой–двадцать второй главах второго тома. Суннитская традиция в оценке личности и правления Муавии сохраняет определённую двойственность: с одной стороны, он безусловно признаётся сподвижником Пророка # (о чём обращении в ислам после покорения Мекки говорилось в восьмой главе первого тома настоящего труда) и правителем, чьё правление принесло долгожданную стабильность и порядок после кровопролитных лет фитны; с другой стороны, самое решение о введении наследственной передачи власти в обход принципа совещательного избрания, о котором говорилось выше, традиция рассматривает как начало глубокой и необратимой трансформации самой природы исламского государственного устройства — трансформации, чьи трагические непосредственные последствия проявятся уже в самые первые месяцы правления его сына и преемника Язида, к рассмотрению которых мы обращаемся в следующей главе настоящего тома.

14. Заключение

Девятнадцать лет правления Муавии ибн Аби Суфьяна заложили институциональные и династические основы Омейядского халифата: административную систему, заимствовавшую лучшие практики покорённых цивилизаций; перенесённую в Дамаск столицу; и, что важнее всего для дальнейшего хода истории, принцип наследственной передачи власти, навсегда изменивший политическую структуру мусульманского мира. Сколь бы благотворным ни было само по себе достижение долгожданной внутренней стабильности после «великой смуты», решение о назначении Язида наследником посеяло семена нового, ещё более трагического кризиса, кульминацией которого станет описываемая в следующей главе настоящего тома трагедия Карбалы — гибель Хусейна ибн Али, внука Пророка #, событие, оставившее неизгладимый след в религиозном сознании всей последующей мусульманской истории.

ГЛАВА 2

Карбала и трагедия Хусейна: политические последствия

1. Введение

Настоящая глава повествует о событии, ставшем одним из самых трагических и духовно значимых во всей истории ислама, — гибели Хусейна ибн Али (да будет доволен им Аллах), внука Пророка #, вместе с большей частью его семьи и сподвижников на равнине Карбала в 680 году. Это событие, произошедшее в первые же месяцы правления Язида ибн Муавии, о назначении которого наследником говорилось в предыдущей главе настоящего тома, навсегда запечатлелось в религиозном сознании мусульман, породив траурные ритуалы, сохраняющиеся по сей день, и оставив глубочайший отпечаток на всей последующей политической и духовной истории исламского мира.

2. Воцарение Язида и обновление требования присяги

После кончины Муавии в 680 году, о которой говорилось в предыдущей главе настоящего тома, его сын Язид ибн Муавия вступил на престол халифата и немедленно потребовал от наместника Медины добиться присяги от тех виднейших сподвижников, что при жизни отца уклонялись от этого шага, — в первую очередь от Хусейна ибн Али и Абдуллаха ибн аз-Зубайра (да будет доволен ими обоими), о принципиальном отказе которых признать наследственный принцип передачи власти говорилось в предыдущей главе. Хусейн, узнав об этом требовании и не желая приносить присягу правителю, легитимность которого он считал сомнительной с точки зрения устоявшихся при праведных халифах принципов, о чём подробно говорилось во втором томе настоящего труда, принял решение покинуть Медину и отправиться в Мекку, под сень самой Каабы, — шаг, традиционно рассматривавшийся в Аравии как способ обеспечить себе временную неприкосновенность и избежать немедленного принуждения к присяге.

3. Приглашение из Куфы

Именно в Мекке Хусейна застало событие, определившее весь последующий трагический ход событий: из Куфы — того самого иракского города, что некогда служил столицей его собственного отца Али, о чём говорилось в восемнадцатой главе второго тома настоящего труда, и где сохранялись сильные проумайядские, а точнее проалидские настроения среди значительной части местного населения, ностальгировавшего по правлению Али и разочарованного властью Омейядов, — начали прибывать многочисленные письма с приглашением возглавить восстание против Язида и обещанием полной поддержки со стороны десятков тысяч куфийцев, готовых, по их собственным уверениям, признать Хусейна законным халифом и выступить под его знамёнами.

Хусейн, получив столь массовые заверения в поддержке, направил в Куфу своего двоюродного брата Муслима ибн Акыля для оценки реального положения дел и организации восстания на месте. Муслим, прибыв в Куфу, первоначально получил подтверждение многочисленной поддержки — по преданию, он собрал присягу от нескольких десятков тысяч жителей города, — и отправил Хусейну обнадеживающее послание с призывом прибыть в Ирак для возглавления уже сформировавшегося движения.

4. Крушение куфийской поддержки

Однако наместник Ирака Убайдуллах ибн Зияд, назначенный Язидом специально для подавления назревавшего восстания и известный своей решительностью и жестокостью, узнав о деятельности Муслима ибн Акыля, предпринял энергичные меры по устрашению и подкупу куфийской знати, пригрозив суровыми карами всякому, кто продолжит поддерживать восстание, и одновременно щедро одаривая тех, кто демонстрировал лояльность Дамаску. Эти меры возымели быстрый и разрушительный эффект: значительная часть куфийцев, некогда присягнувших Муслиму, в страхе перед репрессиями отступилась от данных обещаний, оставив самого Муслима практически без сторонников; он был вскоре схвачен и казнён по приказу Ибн Зияда, а тело его подверглось публичному поруганию, — трагический прецедент вероломства, о котором, однако, сам Хусейн, уже находившийся в пути из Мекки в Ирак, не успел получить своевременного известия.

5. Путь в Ирак и первые тревожные вести

Хусейн ибн Али, выступив из Мекки в сопровождении сравнительно небольшого отряда, состоявшего преимущественно из членов его собственной семьи (включая малолетних детей) и горстки самых преданных сторонников — по различным оценкам, от семидесяти до двухсот человек, — продолжал путь в Ирак, уже находясь в дороге, когда до него стали доходить тревожные вести о казни Муслима ибн Акьяля и о крушении куфийской поддержки. Некоторые из спутников Хусейна, узнав об этих известиях, предлагали ему вернуться, справедливо усматривая в произошедшем недобрый знак, однако Хусейн, движимый как чувством долга перед уже призвавшими его куфийцами (многие из которых, как он полагал, оставались верны данному слову, невзирая на репрессии), так и, по преданию, глубоким внутренним убеждением в собственном предначертанном мученичестве, о котором он, согласно ряду преданий, был предупреждён ещё в видениях, продолжил путь.

6. Окружение отряда Хусейна на равнине Карбала

На подступах к Куфе отряд Хусейна был перехвачен крупными силами, высланными Ибн Зиядом под командованием Умара ибн Саада (да будет доволен... — впрочем, применительно к этому военачальнику суннитская традиция воздерживается от подобной формулы ввиду его последующей роли в трагедии, — сына того самого прославленного Саада ибн Аби Ваккаса, чья роль в завоевании Персии и в битве при Кадисии подробно рассматривалась в пятой главе второго тома настоящего труда), и оттеснен к безводной равнине Карбала на берегу Евфрата, где путь к самой реке был вскоре полностью перекрыт правительственными войсками, обрекая небольшой отряд Хусейна, включавший женщин и детей, на мучительную жажду в разгар иракского зноя.

На протяжении нескольких дней предпринимались попытки переговоров: Хусейн, судя по всему, был готов рассмотреть различные варианты мирного разрешения ситуации — возвращение в Мекку или Медину, направление к самому Язиду для личных переговоров, — однако Ибн Зияд, получив от Язида категорическое распоряжение добиться безоговорочной капитуляции Хусейна, отверг все компромиссные варианты, настаивая на полном подчинении.

7. Ночь накануне сражения и подвиг Зухайра ибн аль-Кайна

Особое место в предании о Карбале занимает последняя ночь перед решающим сражением: Хусейн, собрав своих немногочисленных сторонников, обратился к ним с речью, в которой освободил всех от данной ему клятвы верности, объяснив, что противник преследует лично его, и что прочим спутникам, включая женщин из его собственной семьи, следует под покровом темноты покинуть лагерь и спасти свои жизни, поскольку он не желает, чтобы кто-либо погиб исключительно из чувства долга перед ним. Согласно преданию, услышав это, никто из мужчин лагеря не покинул его: каждый, включая недавно присоединившегося к отряду Зухайра ибн аль-Кайна (изначально сторонника Омейядов, чьё сердце переменялось лишь незадолго до трагедии после личной беседы с самим Хусейном), заявил о готовности защищать внука Пророка # ценой собственной жизни, а некоторые из женщин, включая сестру Хусейна Зайнаб, столь же решительно отказались покинуть лагерь.

Немаловажно и предание о том, как ночью накануне сражения Хусейн, по обыкновению, провёл долгие часы в молитве, а один из его немногочисленных сторонников, услышав нараставшие читаемые аяты Корана из его уст, сравнил доносившийся из шатра голос со звуком, который издают пчелы в улье, — образ, который традиция сохранила как символ глубочайшего внутреннего спокойствия Хусейна перед лицом неминуемой гибели.

8. Битва и мученическая гибель Хусейна

10 мухаррама 61 года хиджры (10 октября 680 года) — день, известный в мусульманской традиции как Ашура (то самое название, что уже упоминалось в пятой главе второго тома первого тома настоящего труда применительно к доисламскому и раннемусульманскому посту), — войска Ибн Зияда, насчитывавшие, по преданию, несколько тысяч человек, атаковали крошечный отряд Хусейна. Сражение, если его вообще можно так называть ввиду вопиющей диспропорции сил, обернулось методичным уничтожением спутников Хусейна одного за другим: первыми пали большинство его взрослых сторонников, включая его сводного брата Аббаса ибн Али, пытавшегося прорваться к реке за водой для измученных жаждой детей лагеря и павшего от множества стрел на самом берегу Евфрата, а также юного сына самого Хусейна, Али Асгара, убитого стрелой на руках отца, когда тот поднял младенца, взывая к совести осаждавших.

В конце концов Хусейн, оставшись практически в одиночестве, был окружён и убит — по преданию, обезглавлен неким Шимром ибн Зиль-Джаушаном, — а его отрубленная голова впоследствии была доставлена сначала Ибн Зияду в Куфу, а затем и самому Язиду в Дамаск. Уцелевшие члены семьи Хусейна, включая его тяжело больного сына Али Зейн аль-Абидина (единственного взрослого мужчину из числа прямых потомков Хусейна, пережившего трагедию, поскольку болезнь помешала ему принять участие в самом сражении) и нескольких женщин, включая сестру Хусейна Зайнаб бинт Али, были взяты в плен и под конвоем отправлены в Дамаск.

9. Ход сражения по фазам

Сражение при Карбале, при всей своей исключительной неравномерности сил, традиция описывает как разворачивавшееся в несколько последовательных фаз. В первой фазе, ещё на рассвете десятого мухаррама, Хусейн, по обычаю арабских военачальников, о котором говорилось в первой главе первого тома настоящего труда применительно к доисламскому военному делу, выстроил свой крошечный отряд, расположив шатры женщин и детей позади сражающихся и приказав поджечь хворост позади лагеря, дабы обезопасить тыл от возможного обходного манёвра многократно превосходящего противника. Затем последовали поединки: по обычаю, предворявшему общее столкновение и уже описанному во второй главе первого тома настоящего труда применительно к битве при Бадре, отдельные воины с обеих сторон вызывали друг друга на единоборство, причём почти все подобные поединки в этот день завершались победой сподвижников Хусейна, что, однако, не могло изменить общего катастрофического соотношения сил.

Во второй фазе сражения силы Ибн Зияда, видя бесплодность отдельных поединков, перешли к массированным атакам, постепенно тесня и уничтожая немногочисленных защитников группами, а не поодиночке, — именно в этой фазе погибли Хабиб ибн Мазахир, Муслим ибн Аусаджа, Зухайр ибн аль-Кайн и большинство прочих взрослых сторонников Хусейна, о которых говорилось выше. Третья, заключительная фаза сражения сосредоточилась вокруг самого Хусейна, оставшегося в буквальном смысле в одиночестве после гибели последнего из его сподвижников и продолжавшего сражаться, будучи уже неоднократно ранен стрелами и мечами нападавших, — согласно преданию, он неоднократно возвращался к шатрам, чтобы напиться воды и проститься с плачущими родственниками, но каждый раз возвращался на поле боя, отказываясь просить пощады у осаждавших.

Именно в эти последние минуты сражения, согласно преданию, произошёл и трагический эпизод с младенцем Али Асгаром, о котором говорилось выше: Хусейн, подняв на руках плачущего от жажды грудного ребёнка перед строем осаждавших и взывая к их совести, получил в ответ лишь стрелу, оборвавшую жизнь младенца прямо на руках отца, — эпизод, который традиция сохраняет как одно из наиболее душераздирающих свидетельств полной бесчеловечности, проявленной осаждавшими войсками в этот день, невзирая на все увещевания и мольбы обречённого противника.

10. Реакция Язида и захоронение

Реакция самого Язида на весть о произошедшем в Карбале, согласно большинству источников, включала определённые элементы неоднозначности: с одной стороны, он не отдавал -оберпрямого распоряжения об убийстве самого Хусейна (внука Пророка #), ограничившись ванием его капитуляции, и по прибытии пленников в Дамаск обошёлся с ними, по ряду преданий, с известной долей почтения и сожаления о произошедшем, вернув впоследствии уцелевших родственников с почётным сопровождением в Медину; с другой стороны, сама трагедия произошла в результате его собственных распоряжений о подавлении восстания любой ценой, и он не понёс никакой ответственности за действия своих непосредственных исполнителей — Ибн Зияда и Умара ибн Саада, что не помешало значительной части современников и практически всей последующей мусульманской традиции возложить именно на Язида основную моральную и политическую ответственность за произошедшее.

Особого упоминания заслуживает эпизод, произошедший при дворе самого Язида, куда была доставлена среди прочих пленников Зайнаб бинт Али (да будет доволен ею Аллах) — сестра Хусейна, о присутствии которой в лагере Карбалы говорилось выше. Согласно широко известному преданию, Зайнаб, представ перед Язидом в момент его торжества, обратилась к нему с исполненной скорби, но не лишённой достоинства и обличительной силы речью, напоявив ему о величии дома, из которого происходят пленники, стоящие перед ним, и предостерегая его от торжества, которое, по её словам, будет ему дорого стоить в День воздаяния. Эта речь, а также аналогичное по духу обращение уцелевшего сына Хусейна, Али Зейн аль-Абидина, произнесённое им в дамасской мечети, по преданию, произвели столь сильное впечатление на собравшихся, что сам Язид, устыдившись всеобщего сочувствия пленникам, поспешил объявить об их скором и почётном освобождении, — эпизод, который традиция сохраняет как один из наиболее ярких примеров нравственного триумфа жертв Карбалы над их гонителями, невзирая на военное поражение.

Тело самого Хусейна и его павших спутников были похоронены на месте сражения — в Карбале, — которая с тех пор стала одним из важнейших центров паломничества для мусульман, а сам день Ашура — днём всеобщего траура, отмечаемым в мусульманском мире по сей день, хотя формы и интенсивность этого траура существенно разнятся между суннитской и шиитской традициями.

11. Поимённая память о павших

Мусульманская, прежде всего шиитская, но отчасти и суннитская традиция сохранила поимённую память о каждом из немногочисленных спутников Хусейна, павших в тот трагический день, — предание, придающее трагедии Карбалы особую, глубоко личную интонацию. Помимо уже упомянутых Аббаса ибн Али и Зухайра ибн аль-Кайна, традиция называет имена Хабиба ибн Мазахира — престарелого сподвижника ещё самого Пророка #, поспешившего на помощь Хусейну, невзирая на преклонные годы; Муслима ибн Аусаджи, произнёсшего перед смертью клятву защищать внука Пророка # до последнего вздоха; и Касима ибн Хасана — юного племянника Хусейна, сына покойного Хасана ибн Али, о добровольном отречении которого от власти говорилось в двадцать второй главе второго тома настоящего труда, — почти мальчика, вышедшего на поле боя вопреки уговорам старших и павшего одним из последних. Именно эта скрупулёзная поимённая память о каждом из немногочисленных мучеников, а не только о самом Хусейне, отличает предание о Карбале от большинства прочих трагических эпизодов ранней исламской истории и объясняет ту исключительную эмоциональную силу, с которой это событие продолжает переживаться мусульманами по сей день, вне зависимости от конфессиональной принадлежности.

12. Значение Карбалы для последующей истории ислама

Трагедия Карбалы имела последствия, далеко выходящие за пределы непосредственного военного столкновения: она навсегда закрепила в мусульманском религиозном сознании глубокий раскол между теми направлениями, что впоследствии сложатся в шиитскую традицию, рассматривающую гибель Хусейна как величайшее и наиболее символически значимое злодеяние во всей послепророческой истории ислама и центральный элемент собственной религиозной идентичности, — и суннитской традицией, которая, при всём глубочайшем почтении к памяти Хусейна как внука Пророка # и одного из благороднейших членов его семьи, тем не менее избегает возлагать на всю династию Омейядов или на институт халифата как таковой той степени проклятия, что характерна для шиитского осмысления этого события, рассматривая произошедшее как трагическую политическую драму, а не как основополагающее богословское событие, определяющее самую легитимность последующей исламской государственности.

Суннитская традиция, признавая всю тяжесть содеянного и глубоко скорбя о мученической гибели внука Пророка #, тем не менее в большинстве своём воздерживается от прямого проклятия личности Язида как таковой, предпочитая оставить окончательное суждение о степени его личной вины на волю Всевышнего, — позиция, которая, при всей своей взвешенности, не отменяет того непреложного факта, что Карбала навсегда осталась одним из самых мрачных и болезненных эпизодов всей мусульманской истории, к осмыслению политических последствий которого — включая последующие восстания, поднятые от имени мести за кровь Хусейна, — мы ещё не раз вернёмся на страницах настоящего и последующих томов настоящего труда.

Показательно и то, что даже те суннитские богословы, что традиционно избегают категоричного осуждения Язида как личности, единодушно осуждают само событие Карбалы как деяние глубоко предосудительное с точки зрения исламской этики — недопустимое пролитие -овокрови внука Пророка # и членов его семьи, включая малолетних детей, о гибели которых рилось выше. Именно поэтому день Ашура, десятого мухаррама, отмечен в суннитской традиции добровольным постом в память о ряде исторических событий, включая, среди прочего, и скорбь по трагедии Карбалы, тогда как в шиитской традиции этот же день приобрёл значительно более масштабный, ритуализированный характер траурных шествий и представлений (тазия), воспроизводящих события того дня, — различие в форме почитания памяти Хусейна, наглядно иллюстрирующее ту глубину богословского и обрядового расхождения, что возникла между двумя основными направлениями ислама именно вследствие этой трагедии.

13. Заключение

Гибель Хусейна ибн Али на равнине Карбала стала прямым и трагическим следствием того институционального перелома, что был заложен решением Муавии о наследственной передаче власти, рассмотренным в предыдущей главе настоящего тома: столкновение принципа легитимности, основанного на происхождении от Пророка # и личных заслугах, с уже утвердившимся принципом наследственной династической власти, обернулось кровопролитием, память о котором остаётся живой в мусульманском мире по сей день. Политические последствия этой трагедии не заставили себя ждать: уже в ближайшие годы правление самого Язида и всей утвердившейся было Омейядской династии столкнётся с новым витком острого кризиса — восстанием Абдуллаха ибн аз-Зубайра и последующей второй фитной, рассмотрению которой посвящена следующая глава настоящего тома.

ГЛАВА 3

Второй фитна: Абдуллах ибн аз-Зубайр, Марванидская реставрация

1. Введение

Трагедия Карбалы, рассмотренная в предыдущей главе настоящего тома, отнюдь не решила накопившийся кризис легитимности власти Омейядов — напротив, она стала катализатором нового, продолжительного периода внутренних потрясений, вошедшего в историографию под названием «второй фитны» (около 680–692 гг.). Настоящая глава повествует о восстании Абдуллаха ибн аз-Зубайра, провозгласившего себя халифом в Мекке, о последовавшем династическом кризисе внутри самого дома Омейядов и о его окончательном разрешении в пользу марванидской ветви династии.

2. Провозглашение Абдуллаха ибн аз-Зубайра халифом в Мекке

Абдуллах ибн аз-Зубайр (да будет доволен им Аллах) — сын Зубайра ибн аль-Аввама, чья гибель после Верблюжьей битвы подробно рассматривалась в семнадцатой главе второго тома настоящего труда, и внук самого Абу Бакра ас-Сиддика по материнской линии (его матерью была Асма бинт Абу Бакр, сестра Аиши, о которой неоднократно говорилось в первом и втором томах настоящего труда), — с самого начала категорически отказался признавать наследственные притязания Язида, о чём говорилось в первой главе настоящего тома, и после трагедии Карбалы, потрясшей всю умму, начал открыто провозглашать себя законным «защитником» истинных исламских принципов правления, основанных на совещательном избрании, в противовес наследственной монархии Омейядов.

Обосновавшись в Мекке — священном городе, обладавшем, как отмечалось в первой главе первого тома настоящего труда, особым статусом неприкосновенности, — Ибн аз-Зубайр постепенно консолидировал вокруг себя значительную часть Хиджаза, а затем и Ирака, где, как и в случае с Хусейном, о чём говорилось в предыдущей главе, сохранялись сильные антиомейядские настроения. К 683 году, когда скончался сам Язид (процарствовавший всего три года после трагедии Карбалы и, по свидетельству большинства историков, так и не сумевший полностью оправиться в глазах современников от политических последствий этого события), Ибн аз-Зубайр контролировал уже большую часть Аравии, Ирака и постепенно распространял влияние на Египет и часть Сирии, будучи признан халифом подавляющим большинством провинций некогда единого государства.

3. Правление Ибн аз-Зубайра: попытка возрождения идеалов праведных халифов

Приняв на себя титул халифа, Абдуллах ибн аз-Зубайр стремился представить своё правление как сознательное возвращение к идеалам эпохи праведных халифов, рассмотренной во втором томе настоящего труда, — в противовес наследственной, династической монархии Омейядов, введённой Муавией. Он отменял, по преданию, некоторые из нововведений, введённых Муавией и его преемниками (включая практику поношения памяти Али с минбаров, о которой говорилось в шестой главе настоящего тома), стремясь заручиться поддержкой как проалидски настроенных иракцев, так и консервативно настроенных хиджазцев, дороживших памятью о временах Абу Бакра и Умара. При этом Ибн аз-Зубайр был вынужден удерживать под своим контролем лишь весьма непрочную коалицию различных региональных группировок, лояльность которых была продиктована скорее общей неприязнью к Омейядам, нежели искренней приверженностью его личным притязаниям, — обстоятельство, во многом предопределившее последующую хрупкость его власти перед лицом марванидского контрнаступления.

Личные качества самого Ибн аз-Зубайра — глубокое благочестие, унаследованное отчасти от матери Асмы бинт Абу Бакр, о которой ещё будет сказано ниже, и репутация одного из наиболее ревностных чтецов Корана и знатоков хадисов среди второго поколения мусульман — снискали ему широкое личное уважение даже за пределами его непосредственных политических сторонников, что отчасти объясняет ту продолжительность (более десяти лет), в течение которой ему удавалось удерживать власть над значительной частью бывшего халифата, невзирая на объективную непрочность его политической коалиции, о которой говорилось выше.

4. Осада Мекки и разрушение Каабы

Ещё при жизни Язида дамаский двор предпринял попытку силового подавления мекканского восстания, отправив в Хиджаз войско, которое, разгромив по пути сопротивление медински настроенных ансаров и мухаджиров (событие, известное как «битва при Харре» и само по себе ставшее источником глубокого возмущения жестоким обращением омейядских войск со священным городом Пророка #, о котором подробно говорилось в пятой главе первого тома настоящего труда), осадило саму Мекку. В ходе этой осады в 683 году произошло трагическое, глубоко потрясшее современников событие: катапультные снаряды осаждавших войск вызвали пожар, повредивший саму Каабу, — то самое древнейшее святилище, воздвигнутое, согласно кораническому преданию, пророками Ибрахимом и Исмаилом, о чём подробно говорилось в седьмой главе первого тома настоящего труда, — вызвав волну ужаса и негодования по всему мусульманскому миру, вне зависимости от политических симпатий.

Известие о смерти Язида, пришедшее вскоре после этого инцидента, вынудило осаждавшие войска снять осаду и отступить, оставив Ибн аз-Зубайра фактическим хозяином положения в большей части халифата на несколько последующих лет. Сам Ибн аз-Зубайр впоследствии предпринял восстановление повреждённой Каабы, расширив её по образцу, который, по преданию, некогда предпочитала сама Аиша (да будет доволен ею Аллах) как более точно соответствующий изначальным основаниям, заложенным пророком Ибрахимом, — реконструкция, впрочем, впоследствии частично пересмотренная уже следующим поколением омейядских правителей, о чём будет сказано ниже.

5. Кризис династической преемственности внутри дома Омейядов

Смерть Язида в 683 году поставила саму Омейядскую династию на грань исчезновения: его сын и назначенный наследник Муавия II, вступив на престол совсем ещё молодым и, по преданию, слабым здоровьем человеком, скончался всего через несколько месяцев правления, не оставив потомства и, по некоторым сведениям, сам публично отказавшись от притязаний на власть ещё до собственной кончины, разуверившись в легитимности начатого его дедом династического эксперимента на фоне трагедии Карбалы. Со смертью Муавии II прямая линия потомков самого Муавии ибн Аби Суфьяна пресеклась, оставив сирийскую, всё ещё верную Омейядам знать перед необходимостью искать нового кандидата на халифский престол уже за пределами непосредственной линии основателя династии.

6. Марванидская реставрация: Марван I и битва при Мардж-Рахите

В условиях этого кризиса сирийская знать, стремившаяся сохранить омейядское правление и не допустить перехода власти к Ибн аз-Зубайру, обратилась к Марвану ибн аль-Хакаму — тому самому секретарю Усмана, чьё спорное письмо, как говорилось в четырнадцатой главе второго тома настоящего труда, стало поводом к восстанию против третьего праведного халифа, — представителю иной, хотя и родственной ветви рода Бану Умайя. Марван, уже будучи пожилым человеком, был провозглашён халифом частью сирийской знати, однако не все сирийские племена признали его притязания: значительная часть кайситских племён (о традиционном племенном делении Аравии на кайситов и йеменитов, восходящем ещё к доисламской эпохе, подробно говорилось в первой главе первого тома настоящего труда) склонялась к признанию Ибн аз-Зубайра, тогда как йеменитские племена в большинстве своём поддерживали Марвана.

Решающее сражение между этими двумя сирийскими группировками произошло при Мардж-Рахите в 684 году и завершилось победой Марвана и его йеменитских союзников, что позволило ему упрочить контроль над Сирией, хотя и ценой глубокой и долговременной вражды с кайситскими племенами, — вражды, которой предстояло стать хронической язвой всей последующей внутренней политики Омейядского халифата, к рассмотрению которой мы обратимся в одной из последующих глав настоящего тома. Сам Марван I, однако, правил недолго, скончавшись уже в 685 году и передав престол собственному сыну Абд аль-Малику ибн Марвану, с воцарением которого связана уже основная, наиболее продолжительная линия Омейядской династии — так называемая марванидская ветвь, — правившая халифатом вплоть до самого его падения в 750 году, о чём будет подробно рассказано в девятой главе настоящего тома.

7. Вынужденная дань Византии

Оценивая всю тяжесть положения, в котором оказался только что провозглашённый халифат — раздираемый одновременно внутренним расколом с Ибн аз-Зубайром, восстанием Мухтара, о котором пойдёт речь ниже, и постоянной угрозой со стороны всё ещё могущественной Византии, — Абд аль-Малик ибн Марван в первые годы своего правления пошёл на шаг, воспринятый частью современников как унижительный, но продиктованный чистым прагматизмом: он заключил с византийским императором Юстинианом II договор, по которому обязался выплачивать Константинополю значительную ежегодную дань (по преданию, включавшую и определённое количество золотых монет за каждый день года), обеспечив тем самым на несколько критических лет мир на северной границе халифата и развязав себе руки для разрешения внутренних конфликтов. Лишь укрепив собственное положение после победы над Ибн аз-Зубайром, о которой будет сказано ниже, Абд аль-Малик счёл возможным прекратить выплату этой дани и вернуться к более наступательной политике на византийском направлении, о чём будет подробнее рассказано в шестой главе настоящего тома, посвящённой осадам Константинополя.

8. Восстание Мухтара ас-Сакафи и месть за Хусейна

Одновременно с описанными выше событиями в Ираке развернулось ещё одно значимое движение — восстание Мухтара ас-Сакафи в Куфе, начатое в 685 году под лозунгом мести за пролитую в Карбале кровь Хусейна ибн Али, о трагической гибели которого говорилось в предыдущей главе настоящего тома. Мухтар, действовавший формально от имени Мухаммада ибн аль-Ханафийи (сына Али от жены, отличной от Фатимы, и, соответственно, единокровного брата самого Хусейна), сумел разгромить и казнить значительную часть непосредственных участников трагедии при Карбале, включая Умара ибн Саада и самого Убайдуллаха ибн Зияда (последнего — уже в отдельном сражении при Хазире в 686 году), прежде чем сам был побеждён и убит войсками Ибн аз-Зубайра, установившими на короткое время контроль над Ираком в дополнение к уже удерживаемым Хиджазу и части Аравии.

Движение Мухтара, при всей его кровавой мстительности, традиция рассматривает как значимый исторический прецедент: именно из его окружения и из идеологии, апеллировавшей к особому статусу дома Пророка # и, в частности, к персоне Мухаммада ибн аль-Ханафийи как своего рода мессианского избавителя (первое известное применение впоследствии широко распространившейся в шиитской традиции концепции махди), впоследствии выросло целое направление религиозно-политической мысли, известное как кайсаниты, — одно из ранних ответвлений формирующегося шиитского движения, обстоятельства дальнейшей эволюции которого будут кратко затронуты в последующих томах настоящего труда по мере изложения дальнейшей истории халифата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.